

Лама и смерть

Смерти — как небытия — нет, человек, если захочет, может победить смерть. К 10-летию возвращения Итигэлова

Смысл цивилизации, если она может его иметь, для многих один: победа над смертью. Однако люди — парадокс — отказываются думать на эту тему. Наши отношения со смертью чрезвычайно запутаны и не осмыслены.

В пятнадцатый день первого летнего месяца по лунному календарю 1927 года лама Даши Доржи Итигэлов в последний раз собирает учеников. Он просит прочитать для него молитву «Благопожелание уходящему». Ею помогают душе, покидающей тело, найти свой путь, свое кармическое предназначение.

Ученики смущены, не могут на это решиться: ведь учитель жив. Тогда Итигэлов начинает читать молитву сам.

Ламы и хувараки присоединяются.

После ритуала тело Итигэлова неподвижно. Его помещают в бумхан (кедровый короб) в той же позе, в какой он медитировал и затем перестал дышать, — в позе лотоса.

В местности Хухэ Зурхэн бумхан погружают под землю. В этот момент — воспоминания очевидцев зафиксированы — с неба сходит ослепительный огонь, вошедший в землю вместе с телом Итигэлова. Возможно, молния.

Короб с Итигэловым подняли из земли 10 лет назад, 10 сентября 2002 года. Или, по лунному календарю, в четвертый день второго осеннего месяца. В 2012-м этот день приходится на 19 сентября, когда буддистский мир и будет праздновать возвращение Хамбо-ламы.

Итигэлову исполнилось 160 лет. И он по-прежнему с нами, здесь. В его теле, не тронутом тленом, протекают физиологические процессы.

Это объяснимо с буддистских позиций, но необъяснимо с естественно-научной точки зрения. Как и твердое знание в 1927 году Итигэлова о том, что он переживет смерть. Это поражает больше всего: он ни во что ее не ставил.

Теперь, сидя на троне, он уложил под каменную плиту многие сугубо материалистические представления о мире: медитация ламы оказалась сильнее непреложных прежде биологических истин. Сегодняшнее существование Итигэлова не зависит от того, верим ли мы в него. Знаем ли о нем.

Или, напротив, именно от того и зависит?

Каждый сегодня может отправиться в Иволгинский дацан и лично встретиться с Итигэловым. Его гениальное посмертное возвращение наглядно, осязаемо и осознаваемо всяким, кто хочет понять.

Вступая в парадоксальную коммуникацию с этим сверхчеловеком (постчеловеком?), мы можем просить что угодно, наши мольбы и просьбы к нему не остаются безответными — тому масса примеров. Наверняка это сила самовнушения, случайности. Но вот что еще происходит: и у него к нам есть просьбы и мольбы.

Вам в ответ предлагают думать о главном — о смерти.

Тело как послание. Изречение, безошибочно свидетельствующее об освобождении. Написанное монахом не

для того, чтобы прославиться, а для того, чтобы самому убедиться.

Тело как книга — вовсе не буддистская метафора. Это, в общем, абсолютно укладывается в русло и западной культуры, для которой Азия, Восток всегда воспринимались прежде всего как текст. В том и слабость западного восприятия, и отражение колониальных устремлений, и в то же время уважение к еще неизведанному.

Сохраненное нам, для нас тело — не что иное, как страстная речь. Тело Хамбо-ламы — физический носитель информации, не имеющей физической природы, но обладающей необъяснимой пока властью над материальным миром.

А на ком/на чем еще наши боги могли бы написать нам послание? Как отправить его и передать нам? Тело Итигэлова, которое каждый может увидеть, содержит в себе некое откровение, проясняющее всё иррациональным образом.

В прошлом наши предки умели воспринимать такие послания. Как его прочесть современному человеку со всем его скептицизмом, как воспринять?

Дворец Хамбо-ламы Итигэлова

Современные атеистические соображения человечества о жизни и смерти по-прежнему базируются на формулах Энгельса. Так вот, на фоне известного изречения — «Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел» — процитирую заключение, подписанное профессором, заведомо идентификации личности Российского центра судмедэкспертизы Минздрава РФ Виктором Звягиным: «Что касается карбонатных и белковых фракций, то каких-либо различий между исследуемыми и контрольными образцами не отмечено». Исследуемый образец — телесные частицы Хамбо-ламы Итигэлова, контрольный — самого Звягина. Итигэлову к моменту исследования исполняется 152 года. Со времени его похорон проходит 77 лет, из них 75 он провел под землей и два года уже находился на ее поверхности. Опираясь на формулу Энгельса, можно однозначно утверждать: Итигэлов жив.

Диалектико-материалистические представления о смерти просты и произрастают из предложения Энгельса рассматривать смерть как момент жизни: «Отрицание жизни по существу заложено в самой жизни так, что жизнь всегда мыслится в отношении к своему неизбежному результату, заключающемуся в ней постоянно в зародыше, — смерти».

Вот так: жить — значит в итоге непременно умирать. Раз уж родился, то уже ничто не спасет тебя от смерти. Жизнь и смерть — две стороны одной медали, это день и ночь, добро и зло, мужчина и женщина и т.д. «Бытие есть только тогда, когда ему грозит небытие, бытие только тогда и начинает быть, когда ему грозит небытие» (Достоевский).

Энгельс отсылает к Гегелю, его мысли: «Жизнь, как таковая, носит внутри себя зародыш смерти». Тот же образ, кстати, у Рильке: «...прежде люди знали (а быть может, догадывались), что содержат в себе свою

смерть, как содержит косточку плод. Дети носили в себе маленькую смерть, взрослые большую. Женщины ее носили в утробе, мужчины — в груди».

Смерть — как вызревающая в нас личинка, кокон, смертный час всегда при нас, мы таскаем его с собой в бумажнике, у сердца. Так? Тогда что сделал с этим зародышем Итигэлов?

Смерть можно рассматривать как следствие усложнения: одноклеточные практически бессмертны, и амёба — «царь горы». Смерть — расплата всем и всему, что амёбы сложнее. Разумнее, красивее, эмоциональнее. Смерть порождена эволюцией. И смерть обеспечивает развитие.

Но — если оперировать биологическими терминами — принадлежит ли Итигэлов к нашему виду?

Человек, помимо прочего, — это тот, кто живет и умирает, чье тело разлагается. Так что правомерен вопрос: из одних ли мы с ним первоэлементов?

Если да, следовательно, границы жизни и смерти теоретически преодолимы и нами? И дело лишь в силе духа?

Попытки постижения смерти придают зрению ту резкость, что позволяет рассмотреть глубины наших жизней. Смерть волнует каждого, но о ней не принято говорить прямо, без уловок. И сегодня общество обсуждает, кажется, всё, всех, но по-прежнему в разговорах о смерти считаются недопустимыми психологизм, точность, боль. Это табуировано.

У Льва Толстого ясно видно, что неприятие смерти — не черта нашего времени (мы лишь логически продолжаем заложенное в нас предшествующими поколениями). «Смерть Ивана Ильича»: «...самый факт смерти близкого знакомого вызвал во всех, узнавших про нее, как всегда, чувство радости о том, что умер он, а не я».

В публичном пространстве смерть — это всегда смерть другого.

В личном же пространстве при мыслях о смерти царствуют страх, терзания, отчаяние и непонимание. В своей «Исповеди» Толстой мучительно и безуспешно пытался найти в жизни тот смысл, который не уничтожался бы неизбежной смертью.

Итигэлов нашел, что ответить смерти?

Да, у Толстого были сложные отношения с православием, но страх смерти мучает не одних «еретиков». Он знаком и «истинным» христианам, буддистам, мусульманам и т.д. Этот страх парадоксален, потому что уже тысячелетия религии пытаются примирить нас с неотвратимой смертью.

Сегодняшний консюмеризм лишь усугубляет положение: многие не могут ни примириться со смертью, ни даже вспоминать ее — ведь на тот свет не затащить ни волов, ни жен, ни золото. Всё публичное пространство, все каналы, по которым к нам поступает информация, апеллируют к «успешности», красоте, здоровью, неувяданию; смерти же нет. Если она и появляется, то в ней нет достоверности, ее смысл и природа искажены: она выглядит чем угодно, только не самой собой. Это такой же суррогат, как и многое другое, чем наполнена нынешняя действительность, которая и сама выглядит ненастоящей.

Речь не только о сегодняшней России. Француз Уэльбек пишет о Европе: «Мы пытаемся создать ненастоящее, легковесное человечество», «цивилизацию вечных подростков». Поэтому кризис, грозящий похоронить средний класс Европы и Америки, можно было бы считать несомненным благом — если бы хоть теплилась надежда на то, что мы сохранили способность всерьез думать о главном.

Улан-Удэ, антураж: сумеречное небо за большими окнами, дерево, кажущееся умершим, об его ветки будто оцарапывается воздух — он здесь вечно живой, вечно в движении. В комнате котенок Дымка охотится на аквариумных рыб. Моя собеседница — родственница Хамбо-ламы Итигэлова. О главном, о победе в широком смысле над биологией, она говорит на суржике из буддистских и христианских представлений и понятий.

— Капля отца выходит из головной чакры, капля крови матери выходит из пупочной чакры, и они двигаются навстречу друг другу. Встречаются в сердечной чакре, и получается взрыв, и тогда разрываются все слои

наши, все оболочки. Почему вот говорят, что нельзя стоять у головы или ног умирающего — энергия пошла, в этот момент душа — то, что перерождается, — вырывается и идет по закону кармы, а тело, как ненужная одежда, остается. В этот момент нам ничем не помочь умирающему человеку. Мы можем только возжигать лампы и думать о нем, и это самое главное: лампы укажут, куда двигаться душе. Нельзя горевать, нельзя, чтобы слеза упала на умирающее тело, — ему мы ничем не поможем, но ухудшим состояние своего личного тела. Творить молитву «Благопожелание уходящему», которую читали Итигэлову, — значит помочь душе пойти по кармическому пути.

Современник Итигэлова Лев Толстой, быть может, как никто, напряженно думал о смерти. Известна (от И. Грабаря, записана М. Волошиным) история, как художник Василий Суриков обошелся с классиком, повадившимся каждый день ходить к его умиравшей жене, вести с ней разговоры о душе и смерти, после которых та плакала. Когда Толстой пришел вновь, Суриков с лестницы крикнул: «Пошел вон, злой старик! Чтобы тут больше духу твоего не было!»

Из «Смерти Ивана Ильича»: «И вдруг ему стало ясно, что то, что томило его и не выходило, что вдруг все выходит сразу, и с двух сторон, с десяти сторон, со всех сторон. Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было. Избавить их и самому избавиться от этих страданий. «Как хорошо и как просто, — подумал он. — А боль? — спросил он себя. — Ее куда? Ну-ка, где ты, боль?»

Он стал прислушиваться.

«Да, вот она. Ну что ж, пускай боль».

«А смерть? Где она?»

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страх никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет».

Что в реальности происходит? Возвращение в свет детства, в самые первые воспоминания, как у толстовского Ивана Ильича, как у миллионов других людей (судя по всему)? И что дальше?

Шестое воплощение Итигэлова — Дхпрмапа — добился учебой и буддистскими практиками уменьшения своего тела до размеров, присущих восьмилетнему мальчику, после чего ушел на небо Даков.

По воспоминаниям земляков, тело Хамбо-ламы Итигэлова в старости очень уменьшилось в размерах (сейчас он того же роста, каким был в зрелости). Незадолго до своего ухода, в 20-х годах, он — человек, разгадавший и готовый подчинить Пустоту, готовый к подвигу, — катается на детской тележке и устраивает с ребятней соревнования, кто лучше отлупит прутьями разлившиеся талые воды.

Как еще мог себя вести человек, к тому времени уже, вероятно, внутренне решившийся на такое, что до него не удавалось никому из людей?

Это вообще-то, говоря языком юности, «высший класс». Его старость, как и детство, не отвечают стандартам агиографии. Должно бы присутствовать ощущение взлетной полосы. Но нет, никакого пафоса, никаких приготовлений, ничего лишнего и абсолютная естественность.

Меня, как и многих других паломников к Итигэлову, внезапно настигало острое ощущение собственного — не чужого — детства; это, наверное, самое искреннее из сохраненного в нас, самое настоящее, с возрастом такие минуты возвращения к себе маленькому начинаешь ценить как самые дорогие, они увеличивают в мозге синтез эндорфинов, этого «гормона счастья», гасят беспричинную, но такую привычную тревогу. Испытываешь, как пустеет время, всё материальное отдалается, и удается вернуться к себе в самом начале, в донных слоях. Чем глубже в себя, чем ближе к началу — тем острее радость. Хоть на мгновения, оставаясь самим собой, ты тем не менее возвращаешься в состояние, защищенное от желаний и страстей, а значит, от страдания.

Вопрос, до какого уровня можешь опуститься в себя. Проблема в том, что мы не помним самое начало.

(Впрочем, речь о частном чувственном опыте, попытки его осмысления и объяснения здесь лишние. Интересующихся отошлю к трудам испытавших влияние буддизма Юнга, в некоторой степени Фрейд и Фромма, а также Шестова, Гурджиева и, как ни странно, православного философа Павла Флоренского. Последний, кстати, всей своей жизнью, не только рукописями, показал бесплодность поисков окончательных

ответов и абсолютных истин о чем бы то ни было. Убеждение Флоренского: «Вера — это не познание истины, а служение ей». Всю правду об Итигэлове не постичь никогда и никому — и Будда не сказал нам правды, ведь простые живые существа не смогут понять страшное лицо истины. Чудо не объяснить, но можно принять и осознать.)

Так вот, насколько глубоко, до каких временных пластов внутрь себя мы можем забраться? Это вопрос того же порядка, до какого уровня сознание может управлять телом. Мы можем себя заставить встать и пойти куда-либо. Можем заставить себя терпеть боль. А можем мы себя заставить не умирать? Можем заставить повернуть наше внутреннее время — ведь оно без нас и не существует, оно зависимо от нас — вспять?

И насколько вспять? Доступно ли нам вспомнить, что было с нами в год, в месяц? А до нас? Достижимы ли нашему сознанию вневременные области?

Не показывает ли опыт Итигэлова: да, достижимы. Более того, человеку (если Итигэлова считать одним из нас) по силам осознанное перевоплощение, равно как и остановка цепи перерождений.

И главной книгой другой великой религии сформулировано: «... не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Если кому-то кажется, что таким объяснением удовлетвориться нельзя, поскольку ничего оно не объясняет, возразить, пожалуй, будет нечего. Но и предложить нечего: научного объяснения феномена Итигэлова нет. Да и возможно ли оно? Его, по-видимому, следует искать совсем в другой сфере. Вероятно, дети знают, в какой. Многие из них, встречаясь с Хамбо-ламой, ничему не удивляются.

Иисус Христос, «смертию смерть поправ», изменил отношения с ней человечества. Христианам обещана победа над смертью — когда все воскреснут, пойдут на суд и начнется вечность. Смерть порождена Люцифером, отпавшим от Бога, но в день, когда всё снова предстанет перед Богом, смерть умрет. Оправданные на суде увидят ввержение смерти и ада в геенну, и воскликнут: «Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?»

Но собственно телесная жизнь в христианстве — транзитные мучения. И евангельские тексты — совсем о другом, нежели содержание феномена Итигэлова.

Ни в коей мере не сравниваю Итигэлова с Христом или, скажем, Магометом — явления тех в мир положило начало великим религиям, а судьба Итигэлова вершилась уже в буддистских канонах. Скажу лишь, что для части из нас после явления Христа история Итигэлова, продолжающаяся сегодня, на наших глазах, — это самое обнадеживающее событие.

Не имеет значения, какой вы веры, — была бы она или была бы изначальная внимательность к миру: нет глаз и ума буддистских, индуистских или христианских, есть глаза открытые и закрытые. Когда в истории человечества происходят такие события, как явление Итигэлова, вера — вторична, главное — открытость этому миру, его дарам и тому, что над миром. Главное — присутствие тоски по надмирному объяснению человеческой жизни.

Бурятское чудо вершится не в Средние века, когда умами правили священники, а сейчас. Когда средний горожанин полирелигиозен либо (это, впрочем, почти то же самое) полагает, что удел один — лопух из него потом вырастет... В любом случае господствует идеология потребления, телесности и материализма. И когда умираешь — то умираешь, и лучше не думать о том, что будет, ибо это — «реально» страшно.

И вот тут-то и выясняется: смерти — как небытия — нет. Человек, если захочет, может победить смерть. Не новая, конечно, идея. Для буддистов вообще смерть — лишь одна из стадий развития личности. Но теперь мысль эта аргументирована для всего человечества.

Итигэлов вернулся именно сейчас, именно к такому человечеству, наверняка не случайно. Хотя точные рассуждения об обстоятельствах возвращения Хамбо-ламы пока невозможны, поскольку суть самого феномена еще не осмыслена. Однако пытаться думать об этом, конечно, нужно.

Все-таки мы не амёбы, чтобы и не пытаться это сделать, и не воробьи, которые залетают в храм и счастливы одним лишь соседством с великим ламой, это наша функция — пробовать понять; так устроено, и устроено не нами. А нас, кстати, вполне устроит то, что мы лишь приблизимся в понимании, но, конечно, не поймем — и

ладно, так и надо; ведь многие из нас надеются на спасение, на то, что «за последней чертой», «в другой комнате», есть и будет еще что-то, нам неведомое и уму неподвластное.

P.S. Институт Итигэлова совместно с «Новой газетой» в ближайшее время издадут книгу о Хамбо-ламе: впервые свет увидят многие архивные документы и фотографии.

Автор: Алексей Тарасов © Новая газета РЕЛИГИЯ, МИР 👁 5473 15.09.2012, 15:36 📄 783

URL: <https://babr24.com/?ADE=108544> Bytes: 17950 / 17739 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Алексей
Тарасов.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)